

Глава 1

Короткая стрелка настенных часов над барной стойкой отчетливо, с удовлетворением щелкнула, коснувшись цифры «пять». Александра повернула голову к огромному окну. Сквозь безлунную, долгую декабрьскую ночь уже просачивался рассвет. Черное небо над аэродромом засинело, огни наземных служб сделались тусклее, теряя интенсивность. Александра, щурясь, читала надписи на бортах самолетов, застывших на летном поле. В зале ожидания, ночью почти пустом, заметно прибавилось народу. Терминал Е аэропорта Шереметьево просыпался. Прошли, цокая каблуками, стюардессы в красной форме, катя чемоданчики. В кафе, где устроилась в ожидании вылета Александра, все чаще шумела кофемашина. Слышался хруст перемалываемых зерен, все сильнее становился запах кофе. За соседним столиком дремали две юные японки, транзитные пассажирки, в тапочках, надувных воротниках и наглазных масках. Девушки склонили головы друг другу на плечо. Одна из них, разбуженная кофемашиной, встрепенулась, растолкала подругу («Может быть, сестру, — подумала Александра, — они

похожи, как сестры!»), достала из сумки зубную щетку и отправилась в дамскую комнату. Другая, сдвинув на затылок маску, оторопело огляделась, встретила взгляд женщины за соседним столиком и улыбнулась ей. Александра улыбнулась в ответ, невольно чувствуя зависть к этой беспечной юности, храбро спешащей куда-то через весь мир, с несколькими пересадками, в тапочках и с забавным, увешанным брелочками-игрушками рюкзаком.

Оставив сумку на сиденье, женщина поднялась с диванчика и подошла к огромному окну, выходящему на летное поле. Неподалеку виднелся лайнер с буквами KLM на борту. «Мой, — подумала художница, взглянув на часы. — Так странно всегда видеть снаружи свой самолет! Не верится, что он взлетит... Что такая штука может летать!» Она летала часто и, уже сидя в салоне, никогда не испытывала страха, даже во время турбулентности. Но, глядя на самолет, в котором нужно было лететь в очередную командировку, Александра чувствовала тревогу.

Вернувшись за свой столик, она заказала еще одну чашку кофе, хотя за ночь его было выпито столько, что женщина ощущала сильное сердцебиение. Или это был страх перед тем, что ей предстояло осуществить — об этом думать не хотелось. Александра предпочитала не пугать сама себя и списывать свое взбудораженное состояние на слишком крепкий кофе, на бессонную ночь, на смутный страх перед полетом. О том, ради чего затевалась поездка, она старалась не думать.

Художница летела в Амстердам первым утренним рейсом, и летела не впервые. Она хорошо знала и всем сердцем любила этот город, пронизанный сетью кана-

Отель «Толедо»

лов, его темные старые кварталы с накренившимися в разные стороны «танцующими домами», набережные, уставленные тысячами велосипедов... Сонные кварталы «красных фонарей» рано утром, когда на улице можно встретить разве что мойщиков тротуаров, угрюмых, коренастых, с обветренными опухшими лицами, а окна и витрины, закрытые красными шторами и жалюзи, хранят самое невинное выражение. Великолепные музеи и богатейшие антикварные магазины, блошиный рынок на Ватерлооплейн и букинистические развалы на площади Спей, неподалеку от знаменитого цветочного рынка на сваях, чье отражение круглый год колеблется в черной воде канала. «И свет! — Александра закрыла глаза, слезящиеся от бессонницы. — Ни с чем не сравнимый влажный свет, в котором все видится одновременно мягко и отчетливо, так что жалеешь, что нет с собой мольберта и красок. Когда я впервые увидела этот свет, поняла, почему Нидерланды дали миру столько великих живописцев!»

Но сейчас ей совсем не хотелось ехать в Амстердам. Увы, повод для поездки был даже не столько печальный, сколько пугающий. Обычно Александра ехала за границу, чтобы отыскать вещи или картины для перепродажи в России, поучаствовать по чьему-то поручению в аукционе или выступить в качестве эксперта на сделке. На этот раз она ехала искать не картину, а человека, и это была ее собственная инициатива. Впервые за многие годы никто не оплачивал ее поездку. Художница ехала за свой счет, а денег у нее было катастрофически мало. Александра купила билет в одну сторону, так как не знала, когда вернется. Действующая шенгенская виза у нее была. Художница

АННА МАЛЫШЕВА

созвонилась с друзьями, живущими в Амстердаме, и с облегчением узнала, что может остановиться у них. Эта семейная пара, также художники-реставраторы, выпускники питерской Репинки, как раз собирались уезжать на длительную работу в Италию и готовы были оставить ей ключи от квартиры. «Отель я бы уже не потянула, ведь нужно что-то есть да еще вернуться домой... — Александра открыла глаза, услышав, как стукнуло блюдо о столешницу. Ей принесли кофе. — Мне повезло, что есть где остановиться. Везло бы и дальше... Везение мне просто необходимо!»

Месяц назад художница случайно узнала, что бесследно исчезла ее старая добрая знакомая, с которой ее иногда связывали общие дела. Надежда была широко известна в кругах московских коллекционеров, и хотя своего салона у нее не было, количество и качество совершаемых ею сделок зачастую превосходило достижения более состоятельных коллег. У нее было исключительное чутье на вещи почти мистического свойства. Александра сама была свидетельницей того, как Надежда коршуном накинулась на картину, ни с первого, ни со второго взгляда ничего не стоившую. После незначительной расчистки обнаружилось, что картина принадлежит кисти одного из самых знаменитых русских живописцев девятнадцатого века. Продана она была за баснословную сумму. Надежда могла бы выручить за шедевр и больше, но другой ее отличительной чертой являлось то, что она не гналась за деньгами как таковыми. Успех был очень важен для нее, но торговаться из-за надбавки Надежда не стала бы, чем отличалась от большинства своих коллег.

Отель «Толедо»

— Пойми, — говорила она как-то Александре, с которой всегда была очень откровенна. — Деньги — это хорошо, но это не главное. Я всегда прикидываю, конечно, сколько выручу, мне ведь нужно жить. Но куда важнее в сделке то, что я оказалась права... Это много значит для меня, понимаешь? Я готова потерять в деньгах, только бы не ошибиться.

— Ты просто страшно честолюбива! — смеялась Александра. Впрочем, она совсем так не думала. Честолюбие было тут ни при чем. Надежда дорожила сознанием, что наделена уникальным даром распознавать шедевры под личиной никчемной заурядности. Это и выделяло ее из общей толпы охотников за антиквариатом. — Скажи, тебе случалось когда-нибудь ошибаться? Знаешь, это совсем не так страшно...

— Никогда! — непримиримо отвечала Надежда, мотая головой, причем хвостики, которые она завязывала за ушами, как школьница, били ее по щекам. — Я ни разу еще не ошиблась, а если это случится, я все брошу к такой-то бабушке и уйду из профессии! У бывшего мужа багетная мастерская, он меня возьмет на работу!

В этих словах, несмотря на всю их категоричность, не было преувеличения. Надежда действительно славилась безошибочностью чутья и крайне болезненно воспринимала даже намек на то, что она может упустить никем не распознанный шедевр. Как все гении (а в своем роде она была гением), Надежда казалась несколько странной. Она три раза выходила замуж, но ни один ее брак не продержался и года. Со всеми бывшими мужьями у нее были прекрасные отношения. Вероятно, эти люди вполне земных профессий — инженер-строитель, детский врач-офтальмолог

и последний муж, мастер по изготовлению багетов для картин, — чувствовали, что перед ними не вполне обычное существо женского пола, и расставались с Надеждой без вражды. Детей у нее ни в одном браке не было, но с ней постоянно жила племянница, дочь старшей сестры, столь же неудачливой в браке. Старшей сестре девочка мешала, а Надежда приютила ее так же легко, как делала все на свете: выходила замуж, расставалась с мужьями, переезжала с квартиры на квартиру, совершала удачные сделки, изумлявшие всю антикварную Москву. Эта сорокалетняя женщина с девчачьими русыми хвостиками и круглыми серыми глазами, хранившими наивное выражение, была словно не от мира сего. Как шутила сама Надежда, она напоминала внешне и по поведению персонажа японского мультика, одного из тех, которыми увлекалась ее племянница. И все же с Надеждой Пряхиной советовались солидные люди, ей доверяли сложнейшие сделки, ее приглашали выступить экспертом, когда возникал спор о подлинности и ценности того или иного лота на ближайшем аукционе. И она никогда не ошибалась.

— Кроме одного раза, вероятно...

Александра вздрогнула, осознав, что произнесла это вслух. Впрочем, ничьего внимания она не привлекла — кафе уже наполнилось посетителями. Это были пассажиры первых утренних рейсов, которые торопливо завтракали, готовясь разлететься во все концы света. Японки исчезли, вместо них появилась другая пара, муж с женой, которые довольно громко выясняли отношения. Мужчина был нетрезв, женщина, эффектная блондинка с дорогой сумкой и под-

Отель «Толедо»

качанными губами, вытирала слезы, впрочем, осторожно, чтобы не размазать макияж. Длинноволосый парень с гитарой, дремавший всю ночь на диванчике напротив того стола, где сидела Александра, растирал мятое покрасневшее лицо ладонями, стараясь прийти в себя. Со стороны зала ожидания появилась большая группа китайцев, которые всю ночь безмятежно проспали на диванчиках. Становилось шумно. Александра расплатилась за кофе, залпом осушила чашку и поднялась из-за стола. Уже объявили номер выхода, откуда должна была начаться посадка на рейс до Амстердама.

«Да, кроме одного раза... Последнего!» Выйдя в зал, Александра остановилась поодаль от нужного выхода. Она не торопилась занять место в очереди. Ручной клади у нее с собой не было, за исключением небольшой брезентовой сумки, которая сопровождала художницу везде и всегда. Беспokoиться, что не хватит места на полке для багажа, не стоило. Александра подошла к панорамному окну и окинула взглядом летное поле. Самолет компании KLM уже стоял у обозначенного выхода, соединенный с ним гофрированной трубой. Женщина зябко повела плечами, хотя в зале ожидания было тепло. Несмотря на свой страх перед посадкой в самолет, она все же предпочитала думать об этом, а не о том, как исчезла Надежда.

История этого исчезновения была очень простой и тем не менее очень странной. Месяц назад на мобильный телефон художницы поступил звонок с незнакомого номера. Александра всегда отвечала на такие звонки, зная, что ее номер могут передавать потенциальным клиентам.

В клиентах же она очень нуждалась как никогда. Особняк на Китай-городе, многие годы служивший ей приютом, ставили на капитальный ремонт и реставрацию через два месяца. Мастерскую предписывалось освободить в самые кратчайшие сроки. Об этом Александру уведомили звонком из Союза художников, где особняк числился на балансе.

— Куда же я денусь? — спросила тогда художница, прекрасно, впрочем, сознавая, что вопрос не имеет смысла.

— Куда хотите! — последовал вполне ожидаемый ответ. — Вы и так занимали эту мастерскую двенадцать лет и платили копейки. А сейчас у нас и самые именитые авторы на самообеспечении...

Александра никогда не числила себя в именитых авторах, тем более что давно уже занималась не столько живописью, сколько реставрацией. Мастерская, расположенная в мансарде ветхого старинного особняка на Китай-городе, когда-то досталась ей по наследству от умершего супруга, художника довольно заметного, но безвозвратно погибшего и забытого еще при жизни. Первый этаж особняка, где провалились полы, хозяйничали крысы и клубился подвальный гнилостный пар, был давно заброшен. Второй и четвертый этажи опустели не так давно. На третьем до последнего времени обитал скульптор Стас, единственный сосед Александры. И хотя их разделял необитаемый четвертый этаж, художнице все же было спокойнее от осознания того, что внизу кто-то живет. И вот он уехал...

Расставание было тяжелым. Александра сама не ожидала, что за долгие годы так привязалась к этому неунывающему пропойце, высоченному кудрявому

Отель «Толедо»

богатырю, бабнику и горлопану. Даже уродливый шрам, пересекавший лоб скульптора — свидетельство драки с чьим-то обманутым супругом, казался ей теперь родным. Стас с чувством обнял бледную, растерянную женщину:

— Сашка, не унывай! Ты тоже тут недолго задержишься! Знаешь ведь, моя муза ищет тебе мастерскую неподалеку от нас. Пушкино — это ведь не край света! Привыкнешь и там!

— Я привыкла бы везде, — печально отвечала женщина. Возможно, впервые ее не мутило от резкого запаха перегара, неизменно исходившего от соседа. — Дело не в привычке...

— Что касается денег, родная моя, помогу, чем сумею! — пообещал скульптор. — Сейчас, правда, заказов мало... Помирать меньше стали, что ли, или на памятниках экономят?

Стас, будучи очень неплохим скульптором, в периоды безработицы пробавлялся изготовлением бюстов покойников, по которым скорбели зажиточные родственники. Сам он это занятие искренне презирал прежде всего потому, что в силу известных обстоятельств не мог лепить с натуры.

— Делаю с фотографии, шалай-валяй, а им хоть в лоб, хоть по лбу! — жаловался он, в очередной раз напившись. — Покойник, скажем, смахивал на Хрущева... Я им ваяю что-то вроде Брежнева. Нравится! Вдовы аж плачут! Ничего не понимают... Ничего!

И вот Стас уехал вместе со своей музой, престарелой нянькой и натурщицей, Марьей Семеновной, в Пушкино, где вездесущая старуха, имевшая родственников неподалеку, в Тарасовке, отыскала ему помещение под

мастерскую и квартиру. Александра осталась в разрушающемся особняке совершенно одна.

Ее давно не пугало одинокое существование в огромной ветхой мансарде, хотя единственной защитой от возможного нападения извне была входная дверь, обитая ржавыми железными листами и снабженная весьма условными старыми замками. Скрипы, шорохи и стуки, которыми полнился по ночам особняк, давно не волновали ее воображения. В призраков художница не верила, она боялась только людей. Стас со своей «музой» был ненадежной защитой, но все же он был. Теперь она в одиночестве противостояла темноте и страху. Но больше всего женщину пугало другое — как она переедет в несуществующую ее новую мастерскую со всем скарбом, накопившимся за годы? Груды книг, материалов для живописи и реставрации, весь вещественный хлам, которым так быстро и обильно обрастает творческий человек, — куда и, главное, на какие деньги все это перевозить и устроить по-новому?

Она стучалась во всем двери, соглашалась даже на самую мелкую и невыгодную работу, несколько раз была вынуждена проглотить унижительные отказы и еще более унижительные рабочие предложения, на которые никогда прежде не пошла бы... И вот — знакомый звонок, раздавшийся в ее мастерской однажды утром, в начале ноября, через несколько дней после отъезда Стаса.

— Могу я услышать Александру Корзухину? — осведомился мужской голос.

— Это я. — Александра поднялась из-за мольберта, на котором стоял готовый к реставрации натюрморт —

Отель «Толедо»

незначительная работа незначительного художника середины двадцатого века.

— Мы незнакомы, — продолжал мужчина, забыв представиться. — Мне ваш телефон дала племянница Надежды Пряжиной. Вы ведь были знакомы с Надеждой?

— Были? — В желудке у Александры словно возник кусок льда. — Что случилось?!

— Вы, значит, ничего не знаете... — после короткой паузы ответил мужчина. — Она ведь пропала полгода назад. Никто понятия не имеет, где она сейчас.

Александра опустила на стул, прижимая телефон к уху. У нее подкосились ноги. Она лихорадочно вспоминала, когда в последний раз видела старую знакомую. «Давно... Весной? Да, кажется, в марте. На аукционе. Мы почти не говорили, не было времени, только поздоровались и задали друг другу пару вопросов... Потом она один раз звонила, приглашала на экспертизу, но я не могла приехать...» В ее мысли врезался голос собеседника:

— Вы слушаете меня? Так вот, я говорю, Надежда пропала, и мы беспокоимся. Думаем, не заявить ли в полицию.

— Простите, а вы кто? — опомнилась Александра. — И почему вы обращаетесь ко мне?

— Я муж ее старшей сестры, Анны, — ответил мужчина. — Меня зовут Сергей, извините, не представился сразу. Просто сейчас как-то не до церемоний.

— Сергей, простите за такой вопрос, — Александра окончательно пришла в себя, — но почему вы только сейчас решили обратиться в полицию, если человек пропал полгода назад?

В трубке послышался глухой смешок. Художнице очень хотелось бы думать, что собеседник просто откашлялся, но она не обманывалась — он явственно усмехнулся.

— Да ведь Надя — взрослый, самостоятельный человек, — ответил он. — И никогда нам не отчитывалась, чем занимается. О том, что она куда-то там едет, мы узнавали по тому, что она привозила нам на время Лиду. И вот, Лида уже полгода живет у нас, а от Нади ни слуху ни духу.

Александра промолчала. Ей была хорошо известна уродливая ситуация, в которой оказалась четырнадцатилетняя племянница Надежды. Та и в самом деле видела родную мать только во время командировок тети. «Да и то, — с горечью говорила Александре приятельница, — если бы мне было куда еще пристроить Лидку, кроме как к матери, я бы это сделала. Но некуда! Я одна такая дура среди наших родственников. Хотела один раз отвезти ее к Василию... Так он мне дал понять, что такие услуги обычно оказывают за деньги. Он хотел взять с меня деньги за то, чтобы продержать у себя несколько дней девчонку!» Василий был старшим братом Надежды и Анны. Александра никогда его не видела, но судя по рассказам приятельницы, это был совсем не тот человек, которому можно доверить ребенка. Со слов Надежды, старшая сестра никак материально не участвовала в воспитании девочки. Все расходы оплачивала тетя. Мать ограничивалась подарками на день рождения и на праздники, и подарки эти только озлобляли Лиду. «Лучше бы Аня придержала при себе деньги на эти телефоны и прочие гаджеты и съездила вместе с Лидкой к морю... Хоть раз в жизни!» — се-

Отель «Толедо»

товала Надежда. Она доверяла Александре, зная, что та не сплетница, и потому всегда была с ней очень откровенна. Впрочем, ни для кого не было тайной, что живущая у нее племянница — вовсе не круглая сирота. У девочки был жив и отец, но кто он, чем занимается и почему ни разу не появился на горизонте, никто не знал. Об этом Надежда не обмолвилась ни разу, а сама Александра была слишком сдержанна, чтобы расспрашивать.

— Так что же... — медленно произнесла художница, с трудом собираясь с мыслями. — Полгода назад Надежда куда-то уехала, и никто не знает, куда? И ни разу не дала о себе знать?

— В том-то и дело, — со вздохом ответил Сергей. — У Лиды недавно был день рождения, так она даже ей не позвонила!

Это и в самом деле внушало серьезные опасения. Александра знала, что Надежда очень любила свою племянницу, и хотя иногда бывала с ней строга («А иначе девчонка совсем разболтается!»), пыталась как-то компенсировать девочке отсутствие нормальной семьи. В день рождения Лиды Надежда даже отменяла срочные дела, теряя деньги. И ни разу не было случая, чтобы она уехала в командировку.

— Лида весь день просидела с телефоном в руке, — добавил Сергей, не дождавшись комментария от собеседницы. — В общем, это был кошмар. Закатила под вечер такую истерику!

— Простите, а почему мне не позвонила мама Лиды? Почему звоните вы? — До Александры внезапно дошла вся странность ситуации. Ей звонил очередной

сожитель Анны, а та отмалчивалась, хотя ситуация касалась ее куда острее.

Сергей вновь не то откашлялся, не то усмехнулся — Александра уже начинала думать, что такова его обычная манера скрывать замешательство.

— Аня против того, чтобы поднимать шум, — признался мужчина, немного помедлив. Было заметно, что он тщательно подбирает слова. — Аня считает, что сестра просто уехала куда-то, нашла свое счастье и теперь не хочет вспоминать о родственниках. Так она выразилась.

— И это счастье помешало Наде поздравить с днем рождения девочку, которую она воспитывала несколько лет подряд почти в одиночку? — не удержалась от язвительного тона Александра.

Мужчина вновь откашлялся.

— Я все понимаю, — ответил он. — Я тоже считаю, что Аня должна была сама воспитывать дочь. Вы меня не знаете, конечно, и можете думать все что хотите... Но я был совсем не против того, чтобы Лида оставалась с нами. Я хочу найти Надежду не потому, что мне не терпится сплавить с рук девочку. В общем, это моя собственная инициатива... Надя была хорошим человеком... Я беспокоюсь.

— Хорошо. — Художница решила впредь воздерживаться от саркастических замечаний. — По какой бы причине вы ни искали Надю, вы это все же делаете. Без согласия ее сестры, как я поняла?

— К сожалению... После дня рождения Лиды мне стало ясно, что дело серьезное. Я расспросил ее обо всех знакомых Нади, она вспомнила несколько имен. Но мне это ничего не дало, потому что Надя увезла